

Павел Соломонович Юшкевич

Мировоззрение и мировоззрения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю96

Ю96 **Юшкевич П.**
Мировоззрение и мировоззрения / Павел Соломонович Юшкевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2023. – 210 с.

ISBN 978-5-521-39492-0

ISBN 978-5-521-39492-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

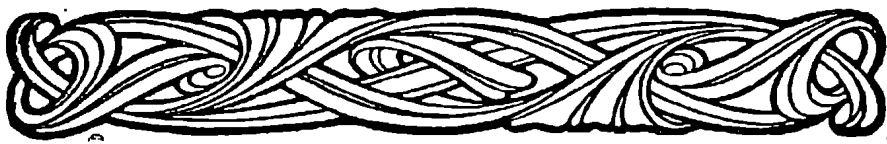
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

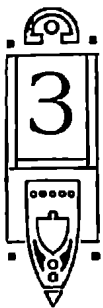
Книга эта состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ очерковъ. Но она не просто сумма этихъ очерковъ. Въ ней есть свое внутреннее единство — единство одной основной проблемы и одной руководящей точки зрѣнія. Эта проблема — объ отношеніи между разумомъ и чувствомъ. Эта точка зрѣнія — мысль о необходимости такого міровоззрѣнія, которое сумѣло бы преодолѣть какъ ограниченность „логизма“ (раціонализма), не замѣчающаго вовсе запросовъ аффективной жизни, такъ и ограниченность „миеологизма“ (религій, метафизики и пр.), овеществляющаго отвѣты на эти запросы и превращающаго ихъ въ какія-то надміровыя существа или сущности.

Подъ этимъ угломъ зрѣнія я рассматриваю и проблему міровоззрѣнія вообще, пытаюсь въ первой и послѣдней статьяхъ вскрыть не познавательный, а образно — эмоціональный по существу характеръ философскаго творчества и частныя проблемы міровоззрѣній (или даже нѣкоторыхъ сторонъ міровоззрѣній) отдѣльныхъ мыслителей, которымъ посвящены остальные очерки.

Философія, какъ міросозерцаніє.



Философія, какъ міросозерцаніе.



I.

Знаменитый англійскій астрономъ Мэскелейнъ замѣтилъ какъ-то, что его помощникъ, записывая время прохожденія звѣздъ черезъ меридіанъ, отмѣчалъ моментъ этого прохожденія нѣсколько отлично, чѣмъ онъ самъ. Онъ обратилъ на это вниманіе своего помощника, прося его впредь быть аккуратнѣе. Но и въ дальнѣйшемъ оказалось, что записи ихъ не совпадали между собой. Тогда Мэскелейнъ, считая небрежность астронома-наблюдателя неисправимой, отказалъ ему отъ мѣста.

Впослѣдствіи, однако, выяснилось, что злополучный помощникъ не былъ ни въ чемъ виноватъ. Оказалось, что моменты прохожденія одной и той же звѣзды черезъ меридіанъ отмѣчаются разными астрономами неодинаково. Правда, различія эти ничтожны, представляя только десятыя доли секунды, но онѣ существуютъ всегда, проявляясь при томъ довольно правильно и однообразно: астрономъ, запаздывающій со своей записью относительно другого астронома, всегда запаздываетъ въ среднемъ на ту же приблизительно долю секунды. Дальнѣйшія изслѣдованія выяснили, что это явленіе связано съ временемъ мозговой реакціи наблюдателя, отмѣчающаго свое впечатлѣніе какимъ-нибудь образомъ (нажатіемъ электрической кнопки отъ часовъ и пр.). У разныхъ лицъ этотъ промежутокъ времени — такъ называемое личное уравненіе — разнo. Однимъ изъ предварительныхъ условій для приступленія къ астрономическимъ наблюденіямъ является опредѣленіе, путемъ особыхъ опытовъ, личного уравне-

нія наблюдателя, которое и принимается потомъ въ расчетъ при разборѣ записей его. Конечный результатъ берется лишь по устраненіи личнаго уравненія.

Въ извѣстномъ смыслѣ то же самое происходитъ въ любой наукѣ и—даже общѣе—въ любомъ случаѣ интеллектуальной дѣятельности. Необходимымъ моментомъ здѣсь является устраненіе „личнаго уравненія“ изслѣдователя, его субъективныхъ склонностей, пристрастій, вкусовъ. Знаніе — объективно, оно — безличная систематизація фактовъ. Оно — описаніе сущаго, отнесенное къ нѣкоторому идеальному, среднему, нормальному наблюдателю, представляющему человечество.

Совсѣмъ другую картину являетъ намъ эмоціоная сторона жизни человѣка, понимая подъ этимъ совокупность чувствъ, желаній, страстей, аффектовъ и пр. Здѣсь путь соціального общенія совсѣмъ иной, чѣмъ въ области пониманія. Утвержденія: „я хочу чего-нибудь“, „я люблю что-нибудь“ — совсѣмъ иного типа, чѣмъ сужденія: „я вижу то-то“, „я знаю нѣчто“. Въ первомъ случаѣ вся суть переживанія именно въ его личномъ характерѣ. И, если почему либо желательно, чтобъ и другія личности повторяли за мной тѣ же сужденія эмоціоанального порядка, то тутъ нельзя идти путемъ устраненія личнаго уравненія, ибо это значило бы устранить саму эмоцію, которую хотятъ сдѣлать общимъ достояніемъ. Въ эмоціоанальной жизни путь соціального общенія — это внушеніе своего личнаго уравненія, а не устраненіе его.

Безличная, безстрастная демонстрація (демонстрація въ обоихъ смыслахъ: доказыванія и показыванія), и глубоко личное, часто полное страсти, внушеніе, зараженіе своимъ переживаніемъ—таковы два противоположныхъ полюса человѣческаго духа, полюсы интеллекта и чувства. Сообщение кому-нибудь математической теоремы и передача, скажемъ, талантливымъ актеромъ какого-нибудь драматическаго положенія — вотъ примѣры, съ одной стороны, чистаго доказательства, а, съ другой, чистаго зараженія. Но это лишь предѣльные типы нашей духовной жизни, такъ сказать, лабораторные случаи ея, происходящіе въ особой, спеціально для того созданной, обстановкѣ. Обширнѣйшая же часть нашихъ переживаній, лежащая между двумя этими грани-

цами, занята душевними образами смѣшанного, интеллектуально-эмоціонального типа, при чемъ смѣшеніе элементовъ интеллектуальныхъ съ элементами эмоціональными происходитъ въ самыхъ различныхъ пропорціяхъ.

Каждое чувство представляетъ собой нѣчто самодовлѣющее, цѣльное, неразложимое. Чувства не складываются въ стройныя силлогистическія цѣпи, какъ понятія. И аргументировать поэтому — т. е. доказывать истинность или неистинность высказываній — въ области чувствъ нельзя. Но можно заставить созвучно реагировать чужую душу, задѣвая связанныя съ чувствами представленія и идеи. Всѣ стороны нашей аффективной жизни ассоцірованы самымъ сложнымъ и запутаннымъ образомъ съ моментами интеллектуального порядка: ощущеніями, представленіями, воспоминаніями, понятіями. Пути этихъ ассоціацій у разныхъ индивидовъ различны, завися отъ условій организаціи, воспитанія, чтенія и пр. Все искусство „зараженія“ другой личности извѣстнымъ чувствомъ состоитъ въ томъ, чтобъ напасть на пути этихъ ассоціацій и вызвать колебанія въ значительной системѣ ихъ.

Конечно, при всемъ разнообразіи интеллектуально-эмоціональныхъ ассоціацій, есть не мало элементовъ аффективной жизни — въ частности формального характера — сходныхъ у различныхъ людей. Всѣ мы поддаемся вліянію горячо и страстно сказаннаго слова, всѣ мы чувствительны къ красотѣ образной рѣчи, и пр. Благодаря этому, могутъ, на примѣръ, быть систематизированы нѣкоторыя правила словеснаго внушенія, можетъ быть созданъ какъ бы канонъ зараженія*). Установленіемъ такого

*) Я употребляю въ текстѣ безразлично слова „внушеніе“ и „зараженіе“, хотя обозначаемыя этими понятіями явленія не совпадаютъ между собой. Въ основѣ внушенія лежитъ вызванное чѣмъ-нибудь состояніе преувеличенной довѣрчивости у „внушаемаго“ субъекта, „зараженіе“ же дѣйствуетъ своеобразнымъ механизмомъ психическаго (и часто даже фізіологическаго) резонанса. Музыкантъ, передавая настроеніе исполняемой имъ вещи, „заражаетъ“ слушателей этимъ настроеніемъ; авторитетный вождь партіи „внушаетъ“ членамъ ся опредѣленное отношеніе къ извѣстнымъ фактамъ или лицамъ, и т. д.

Но для цѣлей предлагаемаго очерка не было нужды настаивать на этомъ различіи, тѣмъ болѣе, что въ огромной массѣ случаевъ моменты внушенія и зараженія сливаются между собой. Такъ, на примѣръ, въ успѣхѣ какого-нибудь литературнаго произведенія трудно отдѣлать долю зараженія — чисто художественныхъ достоинствъ вещи — отъ доли внушенія (гипноза имени автора, моды на извѣстныя проблемы и настроенія, и пр.).

канона занимались усердно въ риторскихъ школахъ древности, выработавшихъ сложные приемы ораторскаго искусства.

Душевные образованія этого смѣшаннаго интеллектуально-эмоціональнаго, доказательно-заразительнаго типа я буду условно называть идеологическими. Область понимаемой такимъ образомъ идеологіи необычайно широка и разнообразна. Въ нашей повседневной жизни сравнительно рѣдки случаи, когда мы хотимъ просто, „безкорыстно“ установить и передать какой-либо фактъ. Чаше всего мы пытаемся сообщить другому свое настроеніе, внушить ему свои взгляды, но пользуемся для этого внушенія не „механическими“ приемами гипнотизера или музыканта, а тонкимъ аппаратомъ мысли и представленія. Нашъ разговоръ, съ этой стороны, сводится къ уговариванію, къ заговариванію, т. е. къ искусной смѣси изъ доказательства и внушенія, въ которой мы незамѣтно и непрерывно переходимъ отъ элементовъ интеллектуальныхъ къ элементамъ эмоціональнымъ, и обратно. Политическая жизнь партій, судебное краснорѣчіе и пр. всецѣло построены на подобной комбинаціи изъ „логики чувствъ“ (по выраженію Рибо) и логики ума.

Но сюда же относятся такія явленія, которыя, на первый взглядъ, стоятъ очень далеко отъ какихъ бы то ни было видовъ искусства убѣжденія. Однимъ изъ такихъ явленій, одной изъ важнѣйшихъ формъ идеологіи въ нашемъ условномъ смыслѣ слова, является философія.

II.

Причисляя философію къ типу идеологій, я имѣю въ виду не ту, все болѣе и болѣе разрастающуюся, систему идей, которая носить названія теоріи познанія, гносеологіи, эпистемологіи. Теорія познанія, можетъ быть, еще и не наука, ибо въ ней пока больше проблемъ, чѣмъ установленныхъ рѣшеній, больше сомнѣній, чѣмъ утвержденій, но она строится по типу наукъ, стремится стать наукой и, наконецъ, неразрывно, тѣсно связана съ различными частными науками. Углубленіе въ основы математики, механики, физики, исторіи ведетъ съ неудержимой силой къ постановкѣ проблемъ, выступающихъ уже изъ рамокъ этихъ отдѣльныхъ наукъ, — проблемъ теоретико-познавательнаго характера.

Понятія о числѣ, пространствѣ, времени, движеніи, массѣ, законѣ, причинности, которыми спокойно пользуются частныя науки, строя на нихъ выводы за выводами, становятся, въ свою очередь, предметомъ чисто теоретическаго, логическаго анализа, который далеко не привелъ къ какимъ-либо единообразнымъ результатамъ.

Разногласія по поводу всѣхъ почти проблемъ теоріи познанія имѣютъ своимъ источникомъ прежде всего, разумѣется, необычайную сложность и трудность всѣхъ подобныхъ, трактующихъ о первыхъ принципахъ, вопросовъ. Но огромную роль играетъ здѣсь и эмоціональный факторъ: тѣсная связь проблемъ теоріи познанія съ вопросами общефилософскими, вопросами міровоззрѣнія. Такимъ образомъ и въ теоріи познанія даютъ себя чувствовать моменты „идеологическіе“. Но идеологичность ея отраженная, производная. Первичный же очагъ идеологіи здѣсь—это философія, понимаемая, какъ міровоззрѣніе, міросозерцаніе, міроощущеніе.

Эта двойственность (теорія познанія—міровоззрѣніе) объясняетъ намъ парадоксальный характеръ философіи, являющейся, съ одной стороны, спеціальнѣйшей наукой, полной техническихъ тонкостей и трудностей, а, съ другой, чѣмъ-то крайне универсальнымъ и общедоступнымъ. Теорія познанія—это дѣло немногочисленныхъ профессионаловъ; міровоззрѣніе же, хотя бы крайне несовершенное, нерасчлененное, неосознанное, имѣетъ каждый человѣкъ. Говоря о философіи, я въ дальнѣйшемъ буду имѣть въ виду проблемы міровоззрѣнія.

Философія—это своеобразная цѣлостная психологическая реакція человѣка на совокупность сущаго. Основной философскій вопросъ гласитъ: „что есть все? Что значитъ это „все“ для меня и что я значу въ немъ?“. Отвѣтъ на этотъ вопросъ бываетъ различнымъ, въ зависимости отъ индивидуальности отвѣчающаго. Для одного „все“ есть „единое“, для другого оно—„многое“. Согласно третьему, „все“ „течетъ“. Еще иной находитъ, что „все“ есть „матерія“; для пятаго „все“ это „духъ“, или же „все“ есть „воля“, „разумъ“, „жизнь“, и т. д. и т. д. Почти всякое рѣшеніе проблемы міра можно свести къ такимъ краткимъ, чуть ли не афористическимъ, формуламъ таящимъ въ себѣ, однако, огромное эмоціональное содержаніе. По существу

своему, философія не есть міро-созерцаніе въ смыслѣ спокойнаго, систематическаго, переходящаго послѣдовательно отъ одного пункта къ другому, описанія сущаго. Взятая въ своемъ жизненномъ ядрѣ философія это—„видѣніе“, яркая, интенсивная интуиція бытія въ цѣломъ. Философъ, въ этомъ смыслѣ слова,—„визіонеръ“, иллюминать, поэтъ космоса, увидѣвшій его внезапно въ ослѣпительномъ озареніи одной идеи, одного чувства. Конечно, при анализѣ этого „видѣнія“, при расчлененіи его на отдѣльныя части, является необходимость въ сложномъ и систематическомъ описаніи. Въ философскихъ системахъ это изначальное міровидѣніе доводится до степени міропонятія, переводится на языкъ отвлеченныхъ понятій. Въ нихъ „междометіе“ первичной интуиціи развертывается въ стройную и связную грамматическую фразу. Но, подобно гигантскому дереву, превосходящему въ миллионы и миллионы разъ то крохотное сѣмя, изъ котораго оно выросло, всякая—даже грандіознѣйшая—философская система есть лишь разросшаяся по всѣмъ направленіямъ, изначальная, недифференцированная, почти односложная логически, интуиція обо „всемъ“.

Правильнѣе, впрочемъ, говорить о двусложности, двучленности философской интуиціи, такъ какъ она всегда состоитъ изъ образа и эмоціи. Ходячее выраженіе: „философскій образъ міра“ очень удачно; его надо понимать буквально, ибо „все“ дѣйствительно разсматривается философомъ всегда по аналогіи, заимствованной изъ какой-нибудь частичной системы міра. Явленія жизни, или какіе-нибудь выдающіеся факты неорганической природы, или же основные типы отношеній между людьми, и пр.—все это можетъ служить мотивомъ „философской гиперэстезіи“ и явиться источникомъ тѣхъ колоссальныхъ метафоръ, какими являются по существу философскія концепціи міра. И съ такой метафорой неизмѣнно соединена, какъ рефлексъ ея, та или иная эмоціональная окраска. „Міръ единъ. Какъ сладостно!“ (или же наоборотъ: „Міръ единъ. Какъ жутко, уныло!“)—къ такимъ двучленнымъ формуламъ можетъ быть сведено всякое философское міровоззрѣніе.

Классическая древность сохранила намъ преданіе о „плачущемъ“ Гераклитѣ и о „смѣющемся“ Демокритѣ. Для насъ не-